

Раздел 2

Сплоченность в русской социологической мысли

Глава 4. Концепции солидарности и сплоченности в русской социально-философской традиции: социальное учение П.А. Кропоткина

Имя Петра Алексеевича Кропоткина входит в золотой фонд истории российской социальной мысли. В свое время научное наследие П.А. Кропоткина, завоевавшего мировое признание, на его родине замалчивалось. До революции 1917 г. Кропоткина причисляли к числу самых опасных противников самодержавия. После Февральской революции 1917 г. и возвращения Кропоткина из эмиграции в Россию и особенно после Октябрьской революции в отношении Кропоткина устанавливается некая двойственность. С одной стороны, в Советском Союзе имя Кропоткина присваивали городам, улицам, станциям столичного метрополитена¹, но, с другой стороны, произведения великого социального мыслителя практически не издавались, его наследие не изучалось в университетских курсах и вообще было окружено неким ореолом недосказанности и умолчания. И это понятно, ибо основные идеи Кропоткина подрывали культивировавшуюся веру в институт государства как формообразующую силу общества,

¹ Кропоткин – город в Краснодарском крае (79 тыс. жителей), имя присвоено в 1921 г.; Кропоткинский переулок в Москве в районе Хамовники (здесь находится дом, в котором родился и жил в раннем детстве Кропоткин; площади, набережной и улице его имени были возвращены дореволюционные названия в 1994 г.); станция метро «Кропоткинская» получила свое название в 1957 г. в честь Кропоткинских ворот (ныне Пречистенские ворота). Поселок Кропоткин в Иркутской области (с 1930 г.); потухший вулкан «Вулкан Кропоткина» в пади Хи-Гол на территории Бурятии; хребет Кропоткина – горный хребет в северо-восточной части Иркутской области.

как некий универсум, в котором по умолчанию все находится и с которым все соотносится. Кропоткин обосновывал иную и, более того, альтернативную точку зрения. И это, по понятным причинам, шло вразрез как с дореволюционной самодержавной идеологией, так и послереволюционной концепцией так называемого «социалистического государства».

Таким образом, Кропоткин был и одновременно не был частью «мейн-стрима» российской философской и политической культуры XX в. Начиная с 90-х гг. XX в., в России словно заново открывали для себя великого мыслителя. Все прежние гласные и негласные запреты на идеи Кропоткина были сняты, и постепенно он стал укореняться в российском сознании в качестве одного из важнейших исторических источников социальной критики, гуманизма, научного мировоззрения в эпоху, когда все это представляло собой прямой вызов властям.

В своих произведениях и неутомимой практической деятельности социального лидера и кумира радикальной молодежи рубежа веков Кропоткин обосновывал фундаментальные гуманистические принципы, главным из которых стала убежденность Кропоткина в изначально нравственной природе человека. Русский мыслитель поставил своей целью создать систему научных аргументов, доказывающих тупиковый, неэффективный характер индивидуализма и социальной атомизации личности. При этом социальная теория представлялась Кропоткину действенным средством изменения социальной среды. В наши дни идеи Кропоткина не потеряли своей значимости и привлекательности – по-новому и под особым углом зрения они высвечивают социальные проблемы нашего времени и предлагают определенные решения.

По векам имен и событий

Петр Алексеевич Кропоткин (1842–1921) принадлежал к одному из самых знатных дворянских родов, восходивших к Рюриковичам¹. Он учился в Пажеском корпусе в Санкт-Петербурге и на старших курсах служил в свите императора Александра II. После окончания Пажеского корпуса в 1862 г. в офицерском звании Кропоткин добровольно выбирает местом службы Восточную Сибирь – Амурское казачье войско, много путешествует по

¹ Автобиография П.А. Кропоткина «Записки революционера», впервые изданная на французском языке в 1898 г. (первое русское издание 1902 г.), входит в число замечательных произведений русской литературы «первого ряда». См.: *Кропоткин П.А. Записки революционера*. М.: Мысль, 1990. 528 с. Избранные биографии П.А. Кропоткина: *Пирумова Н.М.* Петр Алексеевич Кропоткин. М.: Наука, 1972. 224 с.; *Сайм С.* Kropotkin and the rise of revolutionary anarchism, 1872–1886. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 1989. 372 p.; *Osofsky S.* Peter Kropotkin, Boston: Twayne Publishers, 1979. 202 p.

Сибири, посещает Китай. Интересы Кропоткина прежде всего связаны с описанием местности, составлением карт, изучением природной среды. Постепенно именно научные цели начинают преобладать в его деятельности. В 1867 г., проведя плодотворнейшие пять лет исследований Сибири, Кропоткин уходит с военной службы, возвращается в Москву и вскоре переезжает с семьей в Санкт-Петербург, где поступает на математическое отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского Императорского университета. Кропоткин активно участвует в работе Русского Географического общества (впоследствии становится его научным секретарем), воплощает приобретенные в годы службы в Сибири наблюдения и наработки в различных фундаментальных областях естествознания – географии, геоморфологии, геологии, вулканологии, сейсмологии, лимнологии, социобиологии и эволюционной теории. Во всех этих науках в свое время и в наши дни достижения Кропоткина снискали общее признание.

Наряду с занятиями наукой молодой ученый все больше и больше обращает внимание на социальное устройство России и те противоречия, неравенства и диспропорции, которые оно демонстрировало. Во время поездки в Европу в 1872 г. Кропоткин познакомился с деятельностью Первого Интернационала и вступил во входившую в него Юрскую федерацию, возглавляемую М. Бакуниным. Постепенно революционная деятельность приобрела все большее значение для молодого ученого. Он вступает в революционный кружок народников-«чайковцев», участвует в «хождении в народ». В 1874 г. Кропоткин был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, где продолжал работать над своими научными рукописями. После двух лет заключения здоровье Кропоткина существенно ухудшилось, он был переведен в тюремную больницу, откуда совершил свой знаменитый побег. Вскоре Кропоткин нелегально покинул пределы России и обосновался в Англии. Изгнание продолжалось в течение сорока одного года вплоть до 1917 г.

Находясь в Европе – в Англии, Франции, Бельгии, Швейцарии, – Кропоткин развил бурную революционную деятельность, сочетавшую руководство революционными организациями и плодотворнейшие исследования в области социальной теории. Именно в эти годы Кропоткин становится одним из самых известных общественных деятелей и социальных мыслителей Европы, выразившим жесткую социальную критику существовавших режимов и государства как такового. В мае 1917 г. Кропоткин триумфально возвратился в Россию. Он участвовал в политической деятельности и поддерживал Временное правительство. Октябрьскую революцию 1917 г. Кропоткин встретил в Москве, был свидетелем всех революционных

событий, происходивших в городе. С одной стороны, Кропоткин приветствовал создание революционных Советов как института народной власти, разрушавших устои старорежимной бюрократии. Однако, с другой стороны, он не без основания опасался превращения новой власти большевиков в государственно-политическую диктатуру с последующим возникновением новой бюрократии. Начавшийся осенью 1918 г. «красный террор» получил резкое публичное осуждение со стороны Кропоткина, отказавшегося от сотрудничества с новой властью. В июле 1918 г. Кропоткин переезжает в подмосковный город Дмитров. Умер Кропоткин 8 февраля 1921 г.

Солидарность, сплоченность, этика: общие принципы

Философские и социологические взгляды П.А. Кропоткина несли на себе ярко выраженное влияние натурализма, признававшего общество органичной частью природного начала. По этому поводу в известном трактате «Этика» Кропоткин писал: «Человеку нет более нужды облекать в покровы суеверия свои идеалы нравственной красоты и свои представления о справедливо построенном обществе; ему нечего ждать перестройки общества от Высшей Премудрости. Он может заимствовать свои идеалы из природы, и из изучения ее жизни он может черпать нужные силы»¹. Удивительно мощный и здравый по своему характеру взгляд естествоиспытателя, ученого, натуралиста охватывал как природные, так и социальные явления. При этом надо иметь в виду, что все это разительно контрастировало с господствующей в России и Западной Европе клерикальной идеологией. Ее Кропоткин не принимал в расчет и вовсе не боялся оскорбить религиозные чувства верующих. Напротив, его голос звучал уверенно и громко. Рассматривая закон сохранения энергии, российский ученый видел в нем своего рода обобщенный образ мира, вселенной и человечества: закон сохранения энергии «приучает человека понимать жизнь вселенной как непрерывную, бесконечную цепь превращений энергии; механическое движение может превратиться в звук, в теплоту, в свет, в электричество; и обратно, каждый из этих видов энергии может быть превращен в другие. И среди всех этих превращений зарождение нашей планеты, постепенное развитие ее жизни, ее конечное разложение в будущем и переход обратно в великий космос, ее поглощение вселенною суть только бесконечно малые явления – простая минута в жизни звездных миров»².

Согласно Кропоткину, наука проникает во все области природного мира и во все сферы человеческой деятельности, в этом смысле для нее нет ограничений и запретных областей, нет табу. В обширной неприродной сфере «человеческих учреждений, обычаев и законов, суеверий, верований и иде-

¹ Кропоткин П.А. Этика. Избранные труды. М.: Политиздат, 1991. С. 23.

² Там же. С. 24.

алов» свет науки реализует себя, по мысли Кропоткина, в «антропологических школах истории, законовещения и политической экономии». И этот научный подход к обществу, в свою очередь, показывает, что стремление к «наибольшему счастью наибольшего числа людей» уже более не мечта, не утопия. Оно возможно; причем также доказано, что благосостояние и счастье ни целого народа, ни отдельного класса не могут быть основаны, даже временно, на угнетении других классов, наций и рас.

В мировоззрении Кропоткина в единой идейной конструкции соединились натуралистические взгляды на природу, в каком-то смысле сциентизм, и трезвый социологизм в интерпретации общества. Причем переход от первого ко второму всегда был у Кропоткина кратчайшим и непосредственным, словно бы самоочевидным. С непосредственностью сциентиста, натуралиста и позитивиста Кропоткин не видел в обществе ни «тайны», ни «особенности», ни «своеобычности». И природа, и общество виделись ему частью единого целостного устройства мира. И, соответственно, методы исследования и природы, и общества, по мнению Кропоткина, должны отличаться ясностью и самоочевидностью, быть лишены изысков и теоретических ухищрений, до бесконечности умножающих сущности.

Излишне представлять себе Кропоткина в роли философа и методолога в современном смысле этих понятий, претендующего на создание своей особой системы взглядов. Все было проще. Перед нами крупнейший естествоиспытатель, предлагавший трезвый подход к осмыслению социальной реальности. И в этой простоте содержалась своя притягательность – ясность взора на мир, уверенность натуралиста и естествоиспытателя в силе разума и всевластии научного познания.

Между тем, рассуждая об основах социальной жизни, Кропоткин выдвигает своего рода принцип этической солидарности или консолидации живых существ, включая человека. «Если изучение природы дало нам основы философии, обнимающей жизнь всего мироздания, развитие живых существ на земле, законы психической жизни и развитие обществ, – то это же изучение должно дать нам естественное объяснение источников нравственного чувства. И оно должно указать нам, где лежат силы, способные поднимать нравственное чувство до все большей и большей высоты и чистоты»¹. В этом смысле Кропоткин видит этику, или науку о нравственности, главной обществоведческой дисциплиной, организующей все знания об обществе, ссылаясь в том числе и на теорию «морального чувства», предложенную знаменитым английским философом эпохи Просвещения Энтони Шефтсбери².

¹ Там же. С. 25.

² Энтони Эшли Купер Шефтсбери (1671–1713), английский философ эпохи Просвещения, в ряде своих произведений развивал философское учение о глубинном единстве природы и человека. Гармония, присущая природе, согласно

Однако принципиальный онтологический вопрос состоит в том, в какой сфере находится источник этого «морального чувства». С порога Кропоткин отвергал трансцендентный характер «морального чувства». Он писал: «Целью нравственности не может быть нечто “трансцендентальное”, т.е. сверхсущественное, как этого хотят некоторые идеалисты: оно должно быть реально. Нравственное удовлетворение мы должны найти в жизни, а не в каком-то внежизненном состоянии»¹. Тогда остается признать, что принципы нравственности проистекают из природного начала, в нем заключаются и на нем основываются. При этом «природное начало», по мысли Кропоткина, вовсе не сводится к борьбе всех против всех, всеобщей конкуренции за выживание наиболее приспособленного (*survival of the fittest*), как на том настаивали многие последователи эволюционистской теории Ч. Дарвина. Напротив, подчеркивал русский естествоиспытатель, борьба за выживание на межвидовом уровне, как правило, сочетается с принципом взаимопомощи на внутривидовом уровне, на уровне сообществ и малых групп – будь то в мире живой природы или в обществе. Притом именно в сообществах и группах, как животных, так и людей, возникают самые разнообразные формы солидарностей и сплоченностей, отмеченные альтруистическими мотивациями и моральными чувствами. Примечательно, что борьба за выживание по принципу *survival of the fittest* может потенциально вести как к прогрессивному развитию вида, так и к регрессии (т.е. негативной мутации), в то время как принцип взаимопомощи, утверждал Кропоткин, всегда и при всех обстоятельствах способствует закреплению прогрессивных особенностей вида и более эффективных при-

Шефтсбери, включает в себя и человека. Познавая мир природы с помощью естествознания, философии и искусства, человек повсюду обнаруживает устойчивый миропорядок, частью которого оказывается нравственность, опирающаяся на принцип добра. Гармония природной упорядоченности, таким образом, заключает в себе неразрывное единство природного социального, нравственного и эстетического. Интуитивно проявляющее себя в человеке «моральное чувство», по мысли Шефтсбери, позволяет человеку не только отличать добро от зла, справедливое от несправедливого, гармонию от дисгармонии, прекрасное от уродства, но и соединять людей в сообщества, сплачивать их на основе общих принципов и продуктивной деятельности по воплощению нравственного начала. Пожалуй, из всех своих далеких предшественников в истории мысли Кропоткин оказался ближе всего именно к Шефтсбери. И несмотря на обусловленную исторической эпохой определенную архаику философских взглядов английского философа, Кропоткин увидел в этих построениях весьма здравую мысль об универсальной природной силе, которая солидаризирует людей, наделяя их деятельность смыслом.

¹ *Кропоткин П.А. Этика. Избранные труды. С. 30.*

способительных результатов. Иными словами, инстинкт взаимопомощи и взаимной симпатии (выражение Ч. Дарвина) в природном мире на внутривидовом уровне оказывается более действенным. Еще более кратко: гуманизм, нравственность, взаимопомощь в идеале составляют более прочный фундамент сплоченностей и солидарностей, чем разобщенность, индивидуализм и социальный эгоизм. Позитивная сплоченность на основе взаимопомощи и нравственности превосходит все иные формы кооперации, основанные на конкуренции индивидов и борьбе за выживание сильнейшего и наиболее приспособленного.

Проводить прямую аналогию между природным миром и обществом Кропоткин не предлагал, но его постоянное балансирование на грани природной и социальных сфер не только не ослабляло его теорию, но придавало ей даже большую убедительность. Более того, Кропоткин метафорически призывал учиться у природы не ее, так сказать, «безнравственности» и агрессивности по отношению к слабым, а ее «нравственности» и поддержке себе подобных особей. «Развитие человека совершалось в той же среде природы и получало от нее то же направление, причем самые учреждения взаимной помощи и поддержки, сложившиеся в человеческих обществах, все более и более показывали человеку, какой силой он был им обязан. В такой общественной среде все более и более вырабатывался нравственный облик человека»¹. Более того, русский ученый полагал, что высоконравственное начало (как присущий человеку инстинкт или интуитивный мотив) сыграло в истории более значимую роль, чем борьба за выживание. «Мы можем теперь представить историю человечества с точки зрения развития этического элемента как развитие присущей человеку потребности организовать свою жизнь на началах взаимной поддержки сперва в родовом быте, потом в сельской общине и в республиках вольных городов; причем эти формы общественного строя, несмотря на регрессивные промежутки, сами становились источниками дальнейшего прогресса»². При всем очевидном моральном идеализме и некритическом гуманизме, присутствующих в утверждениях Кропоткина, в наши дни мы находим все больше подтверждений тому, что подобного рода философия не только не уходит из истории, она в ней остается и, более того, укрепляется³.

¹ Там же. С. 34.

² Там же.

³ Одной из важнейших вех в дальнейшем развитии «рационального гуманизма» после Кропоткина стала концепция «креативного альтруизма» другого выдающегося русского социолога и мыслителя, П.А. Сорокина (1889–1968). *Sorokin P.A. The Reconstruction of Humanity*. Boston: Beacon Press, 1948. 247 p.; *Sorokin P.A. Explorations in Altruistic Love and Behavior: A Symposium*. Boston:

Укрепляется, быть может, не прямо и однозначно, но постепенно и в историческом ритме поступательного движения. Дело в том, что на более длительных исторических дистанциях «наивный» гуманизм и акцентирование сплоченности, как ни странно, обнаруживают в себе больший потенциал рациональности и долговременной эффективности, чем однозначный прагматизм сиюминутной пользы, индивидуализма и оптимизации выгоды в духе философии «экономического человека». Все эти философские позиции имплицитно содержались в социальной философии Кропоткина и подтверждались практикой его общественной деятельности.

Вопросы эволюции и проблемы сплоченности

Идейное наследие Кропоткина велико и чрезвычайно многогранно. Оно содержит исследования и эссеистику по самым различным направлениям современной ему науки. Среди областей обществензнания, которые особенно интересовали российского ученого (сегодня мы назвали бы это теоретической социологией или прикладной социальной теорией), мы обнаруживаем концепции общества, в которых ключевую роль играли понятия социальной

Beacon Press, 1950. 353 p.; *Sorokin P.A. Altruistic Love: A Study of American "Good Neighbors" and Christian Saints.* Boston: Beacon Press, 1950. 253 p.; *Sorokin P.A. (ed.). The Forms and Techniques of Altruistic Love and Spiritual Growth: A Symposium.* Boston: Beacon Press, 1954. 476 p.; *Сорокин П.А. Таинственная энергия любви // Социологические исследования.* 1991. № 8. С. 121–137; *Сорокин П.А. Таинственная энергия любви // Социологические исследования.* 1991. № 9. С. 144–159. Интересна и обширна исследовательская литература по гуманистической социологии солидарности и сплоченности П.А. Сорокина: *Weinstein J., del Pozo E. Altruism and the Prospects for a Common Humanity / Samir Das Gupta (ed.). The Changing Face of Globalization.* New Delhi and London: Sage Publications, 2004; *Кротов П.П., Долгов А.Ю. От войны к миру: у истоков теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина.* Вологда: Древности Севера, 2011. 400 с.; *Долгов А.Ю. Генезис теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина: Социально-исторический и методологический аспекты / Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко (ред.). Социологический ежегодник – 2012. Сб. научных статей.* М.: ИНИОН РАН; Кафедра общей социологии НИУ ВШЭ, 2013. С. 267–279; *Долгов А.Ю. Питирим Сорокин о методах альтруизации личности, общества и культуры / Д.В. Ефременко (ред.). Социальная солидарность и альтруизм: Социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования. Сб. научных трудов.* М.: ИНИОН РАН, 2014. С. 205–221. Своеобразный идеализм Сорокина, как показал в своей диссертации современный российский исследователь А.Ю. Долгов, во многом имел чисто российские идейные корни. Сегодня есть основания предполагать, что и «идеализм» Кропоткина произрастал на той же исторической почве.

сплоченности, самоорганизации сообществ, общественной морали, взаимопомощи и альтруизма. Важнейшим для понимания социальной теории Кропоткина стал тезис, утверждавший, что общество опирается в основном не на конкуренцию между индивидами и не на внутри- и межвидовую борьбу за «лучшую жизнь», а на взаимную помощь, взаимную поддержку и доверие. Особую роль в этом каноне кропоткиноведения играет замечательная книга Кропоткина «Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса»¹. Она посвящена вопросам эволюции живой природы, которую русский ученый распространял и на общество. В единой эволюционистской картине мира воссоздавалась гармоничная модель природы, развивающейся из самой себя и имеющей своего рода цель в самой себе. Этот эволюционистский подход естественным образом распространялся и на общество, занимавшее, в видении Кропоткина, законное положение в универсуме.

Кропоткин высоко чтит Чарльза Дарвина и воспринимал его эволюционную теорию и учение о естественном отборе как альфу и омегу научной интерпретации мира. С большим воодушевлением Кропоткин на страницах своей книги воссоздавал общую картину эволюции: «Несметное количество самых разнообразных фактов, которые мы прежде объясняли каждый своею причиною, было охвачено Дарвином в одно широкое обобщение. Приспособление живых существ к обитаемой ими среде, их прогрессивное развитие, анатомическое и физиологическое, умственный прогресс и даже нравственное совершенствование – все эти явления стали представляться нам, как части одного общего процесса. Мы начали понимать их, как ряд непрерывных усилий, как борьбу против различных неблагоприятных условий, ведущую к развитию таких личностей, рас, видов и обществ, которые представляли бы собою наибольшую полноту, наибольшее разнообразие и наибольшую интенсивность жизни»². Однако пафос утверждения материалистического и эволюционного единства мира не мог заслонить перед русским ученым серьезных проблем, порождавшихся эволюционизмом. А именно: соотношение в эволюционной теории самих принципов приспособления к внешним условиям, с одной стороны, и борьбы за выживание, с другой. Иными словами, еще при жизни Дарвина и особенно после его смерти стали активно и весьма остро дебатироваться вопросы приемлемости или неприемлемости эволюционистского подхода к интерпретации

¹ *Kropotkin P. Mutual Aid: Factor of Evolution. London, 1902.* Первое издание на русском языке: *Кропоткин П.А. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса / пер. с англ. В. Батурицкого. СПб.: Товарищество «Знание», 1907. 342 с.*

² Там же. С. 13.

общественных отношений и различного рода сплоченностей, возникавших в ходе эволюции (истории) в обществе.

По мысли Кропоткина, многие последователи Дарвина чрезмерно обострили трактовку принципов естественной эволюции и борьбы за существование, наделив их статусом универсального закона социального бытия. Это было сделано не по злому умыслу, а вследствие стремления предельно упростить и довести до логического завершения материалистическую и позитивистскую концепцию природы и общества. Однако в итоге дарвинизм в этом варианте превращался в то, что позднее стали называть «социал-дарвинизмом» – социальный эгоизм, индивидуализм, принцип максимизации экономической выгоды, провозглашение «экономического человека» фундаментом общественного устройства. Все это фактически заимствовалося из понятийного арсенала биологического эволюционизма. Согласно радикальному социал-дарвинизму, самые физически сильные и умственно изоциренные захватывают лидерство и начинают доминировать в группах. Все это сопровождается неустанной конкуренцией за место под солнцем. Те же особи, которые не соответствуют условиям конкуренции, маргинализируются и уступают свои позиции «победителям». Слабые уходят с арены борьбы, теряя доступ к источникам экономического и природного жизнеобеспечения. При этом слабейшие, так или иначе, погибают, уступая свое место в социальной иерархии наиболее сильным и приспособленным к внешним условиям, тем самым освобождая ресурсы природы и общества для тех, кто этого достоин в большей степени. В системе такой логики основные солидарности и сплоченности в обществе должны возникать не в связи с развитием способностей всех его членов, а для обеспечения продвижения вперед и вверх наиболее приспособленных. Всем остальным вольно или невольно отводилась роль либо поддерживающего персонала, либо бесполезных индивидов, кратчайшим путем уходивших в гумус истории.

В этом же ряду развивались идеи, согласно которым всякого рода гуманистические и гуманитарные «надстройки» в обществе, мораль и культура, альтруизм представляли собой лишь чисто внешние атрибуты, «излишества» («одежды», по выражению Томаса Карлейля¹), маскировавшие суть истинного процесса с присущими ему конкуренцией индивидов и борьбой за выживание. Называть вещи своими именами означало судить обо всех общественных явлениях по принципам максимизации выгоды для вовлеченных в них индивидов. Все остальное характеризовалось исключительно в виде кажимости, наносной несущественности. Позднейшие

¹ Карлейль Т. Sartor Resartus. Жизнь и мысли Герр Тейфельсдрека. В 3 кн. / пер. с англ. Н. Горбова. М.: Типография Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1904.

эпигоны дарвинизма, прежде всего выдающийся ученый Томас Гексли¹, последовательно распространили дарвиновскую теорию естественной эволюции на сферу общества, превратив классическое учение английского эволюциониста в универсальную социологическую теорию. Сам Дарвин вовсе не претендовал на роль теоретика общества, хотя и не отрицал осторожного и «точечного» использования принципов эволюционистской методологии в интерпретации определенного круга социальных явлений, но с многочисленными оговорками и ограничениями. Но ни о каком социологическом универсализме эволюционной теории у самого Дарвина не шло и речи. Дарвин прекрасно отдавал себе отчет в том, что общество обладает несравненно большей сложностью, чем сообщества даже высших животных.

В этой многолетней полемике продарвинистов с антидарвинистами Кропоткин занимал не только весьма умеренную позицию эволюциониста, но предлагал существенно трансформировать эволюционизм. Интерпретация дарвинизма Кропоткиным опиралась на использование в первую очередь «второго закона эволюционизма Ч. Дарвина», об этом законе сторонники Гексли, как правило, предпочитали не упоминать. Согласно «второму закону» в группах животных, принадлежащих к одному виду, присутствует не только и не столько борьба за выживание, сколько *взаимная помощь*, солидарность и сплоченность как фактор устойчивого развития данного вида и наиболее действенного его приспособления к внешним условиям. Причем взаимопомощь лишалась и Дарвиным, и Кропоткиным какого-либо ореола исключительности и тем более трансцендентальности. Взаимная помощь, в их видении, полезна, эффективна, действительна. Именно поэтому она по своему характеру эволюционна и в высшей степени естественна – она способствует достижению целей сообщества, а именно – выживанию и росту социальности. Аутентичное чтение текстов Дарвина показывало для Кропоткина, что закон внутривидовой взаимопомощи имел несравненно большую значимость, чем борьба за существование². И это переакцентирование смыслов эволюционной теории в огромной степени меняло для Кропоткина всю картину общества. Фундаментом общества и социальности как таковой становилась взаимопомощь, взаимная поддержка и сплоченность, а борьба за выживание получала статус определенной де-

¹ Томас Гексли (1825–1895), английский зоолог, естествоиспытатель, путешественник, президент Лондонского королевского общества, активнейший пропагандист дарвинизма. Более подробно: *Paradis J.G., Williams G. Evolution and Ethics: T.H. Huxley's Evolution and Ethics with New Essays on Its Victorian and Sociobiological Context.* Princeton: Princeton University Press, 1989. 242 p.

² *Vucinich A. Darwin in Russian Thought.* Berkeley: University of California Press, 1988. 349 p.

виации, отклонения от эволюционной нормы. Таким образом, менялась сама «полярность» социальной философии и социологии, опиравшихся на эволюционизм. А на этом, в свою очередь, строилась совсем иная теория общества с последующим анализом его исторического прошлого, критикой настоящего и, главное, научным предсказанием и предвидением его будущего.

Необходимо отдать должное научной трезвости и принципиальности Кропоткина. Ему были совершенно чужды благодушие, идеализаторство, романтизм в понимании каких бы то ни было явлений природного и социального мира. Именно поэтому он избрал одним из объектов своей критики учение Ж.-Ж. Руссо о природе как универсуме гармонии, любви и мира, которые были нарушены лишь с появлением человека. Кропоткину было трудно согласиться с Руссо, отказывавшимся видеть в природе борьбу видов, приспособление к внешним условиям через подавление слабого и потому разделявшим мироздание на мирную и прекрасную природу, с одной стороны, и общество, населенное оторвавшимися от своего природного естества индивидами, с другой стороны. Руссо в силу своего эстетического идеализма и своей оторванности от естествознания не признавал в природе наличия даже элементов и мотивов агрессии и борьбы за выживание. Это придавало руссоизму черты прекраснородушной утопичности. «Едва только мы начинаем изучать животных – не в одних лишь лабораториях и музеях, но также и в лесу, в лугах, в степях и в горных странах, – как тотчас же мы замечаем, что, хотя между различными видами, и в особенности между различными классами животных, ведется в чрезвычайно обширных размерах борьба и истребление»¹. Таков вывод Кропоткина.

Отталкиваясь от неприятия как идеализма Руссо, так и социал-дарвинизма Гексли, Кропоткин обосновывал свой ставший знаменитым тезис о том, что наряду с борьбой за выживание и доминированием наиболее приспособленного (*survival of the fittest*) имеет место равноположенная и не менее сильная взаимопомощь, взаимная поддержка и элементы жертвенности не только внутри сообществ одних и тех же видов, но в целом ряде случаев и на межвидовом поле эволюции. Кропоткин уклонялся от оценки соотношения борьбы за существование и взаимопомощи по принципу их эволюционного потенциала и доминирования. Это соотношение варьируется и динамически изменяется в ходе эволюции, но, тем не менее, все большую значимость приобретает взаимная помощь.

Притом речь шла не о некоей «доброй воле» и благом природном умысле предустановленной гармонии, а о явлениях вполне объективных – вза-

¹ Кропоткин П.А. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. С. 17.

взаимопомощь оказывается более адаптивной стратегией в процессе приспособления к изменяющимся условиям внешней среды¹. Все это изначально опиралось на анализ эволюции видов в живой природе. Но вопрос состоял в том, насколько это превалирование взаимопомощи над принципом выживания сильнее применимо к обществу, насколько этот баланс реализует себя в истории. Здесь главный аргумент Кропоткина состоял в перенесении социально-биологического на чисто социальное. Было ли это перенесение правомерным с научной точки зрения? Если исходить из фундаментальной для русского ученого позиции эволюционного единства мира, ответ будет положительным: да, правомерно.

Говоря конкретно, Кропоткин наблюдал и описывал в природе элементы, *проявления* сплоченности (cohesion)², солидарности (solidarity), интеграции (integration), кооперации-сотрудничества (cooperation), взаимопомощи (mutual aid, mutual assistance), альтруизма (altruism), жертвенности во имя слабого, самопожертвования (selfsacrifice), что, на его взгляд, эволюционно доказывало их неслучайность и эффективность. «Если же принять во внимание бесчисленные факты, которые все говорят в поддержку этого взгляда, то с уверенностью можно сказать, что взаимная помощь представляет такой же закон животной жизни, как и взаимная борьба. Более того, как фактор эволюции, т.е., как условие развития вообще – она, по всей вероятности, имеет гораздо большее значение, чем взаимная борьба, потому что способствует развитию таких привычек и свойств, которые обеспечивают поддержание и дальнейшее развитие вида, при наибольшем благосостоянии и наслаждении жизнью для каждой отдельной особи, и в то же время, при наименьшей бесполезной растрате ею энергии, сил»³, делал вывод Кропоткин. Указанные выше характеристики внутривидовых сообществ не только не деградировали в ходе эволюции, не исчезли, а, напротив, укрепились и, более того, закрепились на уровне homo sapiens. Это открывало путь к совершенно новой теории общества, попытку построения которой и предпринял Кропоткин.

Прообраз общества будущего

Свою, по сути, социобиологическую теорию Кропоткин противопоставлял вульгарному биологизму постдарвиновских эволюционистов, о чем

¹ Dugger W. Veblen and Kropotkin on Human Evolution / W.M. Dugger (ed.). Evolutionary Theory in Social Sciences. Vol. II. Evolutionary Social Sciences. N.Y.: Routledge, 2003. P. 119.

² Li Y. Beyond Market and Government: Influence of Ethical Factors on Economy. Berlin: Springer, 2014. P. 71.

³ Кропоткин П.А. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. С. 18.

шла речь выше¹. Конечная же задача ученого состояла в том, чтобы перебросить мост от мира природы к социальному миру².

Своего рода инстинкт взаимопомощи, изначально имевший природную, биологическую основу, трансформируется в паттерны социального поведения, видоизменяя само общество, развивается своего рода «химическая» реакция сплавивания индивидов. На поверхности социальной жизни, в культуре она закрепляется в таких формах, как общественная мораль, этикет, обычаи. По мере все более глубокого внедрения в ткань общества традиции превращаются в социальные институты, что и закрепляется в нормативной системе. При этом в итоге социобиологический инстинкт взаимопомощи, по мысли Кропоткина, перерастает в общественные представления о справедливости. Все это подразумевает усиление социальной сплоченности, которая составляет не только фон, но и основу социальной справедливости, которая, в свою очередь, формирует представления о равенстве. Он писал: «*Взаимопомощь, Справедливость, Нравственность* – таковы последовательные шаги восходящего ряда настроений, которые мы познаем при изучении животного мира и человека. Они представляют *органическую необходимость*, несущую в самой себе свое оправдание, подтверждаемую всем развитием животного мира, начиная с первых (в виде колоний простейших животных) и постепенно поднимаясь до высших человеческих обществ. Говоря образным языком, мы здесь имеем *всеобщий закон органической эволюции* ...»³.

Между инстинктом взаимопомощи и будущим обществом всеобщего равенства (а именно в этом и состоял социальный идеал Кропоткина) проходит прямая ветвь эволюционного развития человечества. По мере приближения к этому идеалу, по мысли российского ученого, должна возрастать степень сплоченности общества и, соответственно, уходить в небытие индивидуализм и конкуренция. Без солидарности и сплоченности достижение справедливости невозможно⁴.

В самых общих чертах намечая черты будущего социального устройства, Кропоткин видел его контуры в виде констелляции самых разнообразных сплоченных групп профессионалов («федераций», в терминах

¹ Borrello M. Evolutionary Restraints: The Contentious History of Group Selection. Chicago: The University of Chicago Press, 2012. P. 36.

² Paleo U.F. Cooperation versus competition in nature and society: The contribution of Piotr Kropotkin to evolutionary theory // Radical Criminology. 2012. Vol. 1. P. 67–81.

³ Кропоткин П.А. Этика. Избранные труды. С. 44.

⁴ Zupi M., Puertas E. Challenges of Social Cohesion in Time of Crisis. Madrid: Editorial Complutense, 2010. P. 44.

Кропоткина). Живя в эмиграции в Швейцарии, российский ученый был поражен степенью профессиональной сплоченности швейцарских часовых дел мастеров, слаженностью их работы, высокой степенью разделения труда и доминированием в их среде принципов справедливости. В объединениях швейцарских часовщиков Кропоткину виделось будущее всех профессий, составляющих основу экономики общества. При этом между различными профессиональными объединениями должна естественным образом (а не по принуждению) устанавливаться взаимная помощь и система горизонтальных обменов продуктами производства, своего рода сетевая кооперация. Подобная в современной терминологии сетевая горизонтальная структура должна была состоять из самоуправляющихся коммун, самодостаточных в своем материальном статусе и независимых от стороннего работодателя. На принципах свободной кооперации со своими союзниками и партнерами подобные коммуны смогли бы образовывать более крупные федерации, как по территориальным, так и профессионально-производственным признакам. В основе своей эта монументальная социальная система имела принципы морали, на которые опиралась взаимопомощь, ведущая к сплоченности. «Это общество, – писал Кропоткин, – будет состоять из множества союзов, объединенных между собою для всех целей, требующих объединения, – из промышленных федераций для всякого рода производства: земледельческого, промышленного, умственного, художественного; и из потребительских общин, которые займутся всем касающимся, с одной стороны, устройства жилищ и санитарных улучшений, а с другой – снабжением продуктами питания, одеждой и т.п.»¹. В этой картине мира и истории приоритет отдавался моральным основам прогресса, исходная позиция которого состояла в инстинкте взаимопомощи, порождающем сплоченность.

Примечательно, что в этой модели «сообщества обществ» не оставалось места государству, оно становилось излишним и даже вредным, прежде всего по причине своей эволюционной неестественности и искусственности. Взаимопомощь, кооперация и сплоченность, по мысли Кропоткина, упраздняли все функции государства, государственного аппарата и бюрократии.

На место государственного регулирования общества, помимо рабочих профессиональных союзов и производственных объединений, приходит множество общественных организаций, политических союзов и партий, потребительских и иных коопераций, а также клубы, кружки по интересам и т.д. И это было отнюдь не утопичное и наивное прожектерство оторванного от жизни мечтателя. Напротив, в сложнейших условиях политической эмиграции, находясь под давлением властей европейских государств,

¹ Кропоткин П.А. Записки революционера. М.: Московский рабочий, 1988. С. 389.

Кропоткин противопоставлял диктату властей свои принципы нового общества. И это противостояние не выглядело ни бессмысленным, ни бесполезным. С большой внутренней убежденностью он писал: «Бесчисленное количество обществ, клубов и союзов для развлечений, для научных работ и исследований, для образовательных целей и т.п., распространившихся за последнее время в таком количестве, что потребовались бы многие годы для простой их регистрации, представляют другое проявление той же вечно действующей силы, призывающей людей к объединению и взаимной поддержке»¹. Картина, эскизно нарисованная Кропоткиным, весьма близка к тому, что сегодня мы называем гражданским обществом.

В социальной динамике, в коловращении плюралистических институтов и организаций вновь и вновь заявляет о себе принцип эволюции, реализуемый в социуме. Бесконечное число взаимодействий, непрерывная коммуникация порождают все новые ассоциации, которые приходят на смену прежним, удерживая все то лучшее, что остается от прошлого. Сплоченности усиливаются по определенным правилам и законам, ослабляются, аннигилируются, затем перерождаются в новые формы солидарности. Таким образом, общество «живет», «дышит», развивается. Общество – это изменчивость, пластичность, динамика, достижимые только в условиях, свободных от давления «внеэволюционных» структур принуждения и насилия.

Сплоченность профессиональных групп как высшая форма социальной солидарности

Всесторонне обсуждая и доказывая тезис о том, что государство враждебно по отношению к обществу, Кропоткин неминуемо сталкивался в своей теории с проблемой обоснования какого-то иного, не государственного регулирования социума как такового. Иными словами, если не государство, то какая общественная сила способна устанавливать упорядоченность социальных отношений, поддерживать сплоченность внутри групп и в обществе как таковом, осуществлять контроль и пресекать девиации? В самом общем виде ответ Кропоткина звучал так: *этой регулирующей силой может и должна стать внутригрупповая, «цеховая» солидарность профессиональных групп*. Он утверждал, что для создания подлинно гуманных отношений в обществе вовсе не обязательно ожидать социального переворота, меняющего сами основания общества. Образцы сплоченности и солидарности, и отнюдь не единичные, налицо в любом современном обществе, а именно там, где преобладает творческое начало. «Когда социалисты говорят, что общество, освободившееся от капитала, может сделать труд приятным и уничтожить всякую работу, внушающую отвращение или вредную для здоровья, над ними обыкновенно смеются. А между тем мы уже теперь

¹ Кропоткин П.А. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. С. 281.

видим поразительные успехи в этом направлении; причем везде, где были введены такого рода улучшения, хозяевам оставалось только радоваться происходящему вследствие этого сбережения сил»¹. В этом заключалась весьма важная мысль Кропоткина. По его мнению, высокого уровня подлинной сплоченности и солидарности и сопутствующего им коллективного самоуправления можно достичь и в малых группах, на отдельных предприятиях даже в рамках враждебного социально-экономического уклада. Практический вывод, который делал русский мыслитель, заключался в том, что ячейки справедливости, равноправия и самоуправления можно построить здесь и теперь, не дожидаясь некой тотальной перестройки общества в целом. Смысл этого положения достаточно ясен: рост солидарности и сплоченности в малых группах может происходить внутри существующей системы. И в таком случае эта система подрывается и уничтожается не в результате политического переворота (революции), а в результате трансформации «клеток» общественного организма.

Признавая, что эти взгляды Кропоткина не были лишены элементов утопизма, можно прочесть в них и провидческую мысль о том, что политический переворот, под какими бы замечательными лозунгами он ни происходил, не способен достичь своей цели, если он не опирается на солидарность и сплоченность, ставшие массовым явлением и пронизывающие все общество.

Книга Кропоткина «Хлеб и воля», впервые опубликованная в 1892 г. (на французском языке)² задолго до Октябрьской революции 1917 г. в России, между тем словно предсказывала основную проблему грядущей революции. Захват власти большевиками и попытка создания нового государства взамен прежнего, не опиравшиеся на внутреннюю готовность широких масс к этим трансформациям, достаточно скоро привели к вырождению революционной и социалистической идеи. На смену самодержавному государству пришло государство, пытавшееся внедрить «сверху» огнем и мечом принципы новой социальной справедливости и солидарности, основанные исключительно на классовом подходе. Это в итоге привело отнюдь не к социализму, равенству и солидарности, а к этатизму и авторитаризму в интересах номенклатурного правящего класса.

Как известно, Кропоткин вначале приветствовал Октябрьскую революцию, но вскоре он увидел в ней процессы, которые вызвали резкое неприятие с его стороны. Переломным для радикального изменения отношения

¹ Кропоткин П.А. Хлеб и воля / П.А. Кропоткин. Хлеб и воля. Современная наука и анархизм. М.: Правда, 1990. С. 128.

² Название книги на французском языке «La Conquete du Pain»; первое издание на русском языке вышло в Лондоне в 1902 г. В России книга была издана только после Октябрьской революции, в 1919 г.

Кропоткина к Октябрю стал так называемый «красный террор», направленный на уничтожение целых слоев населения и сословий как «контрреволюционных» по своей социальной природе. В последние годы жизни он выступал резким критиком Советской власти и партии большевиков. В понимании Кропоткина институты государственной власти по определению не способны быть инструментом установления социального равенства и самоуправления.

Возвращаясь к теме философии взаимодействия власти и общества, необходимо процитировать Кропоткина, давшего свою яркую характеристику этим отношениям: «Унаследованные нами предрассудки и все наше совершенно ложно поставленное воспитание и образование так приучили нас видеть повсюду правительство, закон и суд, что в конце концов мы начинаем думать, что если бы не постоянная бдительность полиции и властей, то люди перегрызлись бы, как дикие звери, и что если бы государственная власть вдруг рухнула, то на земле водворился бы полный хаос»¹. Между тем, утверждал Кропоткин, тысячи учреждений («организаций» и «групп», в нашей современной социологической терминологии) были созданы без всякого вмешательства государства, при этом подобные добровольные низовые организации достигают больших результатов². Однако мы не замечаем той огромной работы, которая совершается ежедневно и повсюду «свободными группами людей», в среде которых все взаимодействия идут по взаимным соглашениям и конвенциям. В свою очередь и межгрупповые отношения также строятся на постоянном согласовании интересов и их балансировке. Таким образом, процесс кооперации и согласования становится непрерывным и постоянно возобновляющимся в интересах всех вовлеченных сторон. Именно это, по мысли Кропоткина, и составляло «ткань» сплоченности социальных клеток общества. Свободные группы людей становятся носителями подлинной сплоченности.

* * *

Разумеется, можно снисходительно трактовать идейное наследие Кропоткина-социолога и социального философа на том основании, что утопизм и идеализм русского ученого контрастировал с ужасающими процессами, в контексте которых протекала его жизнь. Однако возможна и иная трактовка его теории. Именно ее полярность по отношению к условиям Европы и России второй половины XIX – начала XX вв. высвечивала ее сильные и вполне убедительные стороны, приобретшие впоследствии вневременной характер.

¹ Кропоткин П.А. Хлеб и воля. С. 137.

² Там же.